

Роман основан на реальных событиях

ГЛАВА 1

ЦАРСТВО КУДЕСНИКА

К дому номер 21 по рю де ля Пэ подъехал большой красный автомобиль и не без труда сумел припарковаться в веренице машин и колясок, стоящих вдоль тротуара в несколько рядов. Из автомобиля вылез грузный господин в очках и помог выбраться своей спутнице — прелестной молодой женщине в каштановых кудрях, выбивавшихся из-под высокой шляпки, украшенной цветами. Ее нежное оживленное личико являло странный контраст с огромными, бездонными, почти черными глазами, которые оставались грустными даже тогда, когда она улыбалась, а ресницы были такие густые и длинные, что любая нынешняя кинозвезда умерла бы от зависти. Светлое платье молодой женщины было того иллюзорно простого фасона, который дается только очень хорошим портным и при неумелой попытке скопировать его тотчас же превращается в тусклую непритязательную тряпочку. На тонких пальчиках незнакомки красовалось несколько дорогих жемчужных колец, которые, однако же, ровным

счетом ничего не могли прибавить к цветущей прелести их обладательницы.

Что касается спутника незнакомки, то достаточно будет сказать, что он был раза в два старше сопровождавшей его красавицы и в доме под номером 21 его прекрасно знали. По крайней мере, мадемуазель Беттина, всегда сидевшая на первом этаже возле окна, из которого были прекрасно видны все, кто направлялся к зданию, тотчас же сняла с рычага трубку телефона и позвонила наверх, своему патрону месье Дусе, и доложила:

— Месье, тут турок со своей одалиской. Вы примете их сами или ими займутся продавщицы?

Жак Дусе тихо вздохнул. Он был против того, чтобы в его модном доме — одном из лучших в Европе, кстати сказать, — клиентов награждали кличками, но попробуйте-ка привить уважение к клиентам языкастым продавщицам, которые всех покупательниц видели, можно сказать, без ничего и знали наперечет их недостатки, равно как и мельчайшие подробности их жизни. Так, некая особа королевских кровей, сама того не зная, для служащих дома номер 21 превратилась в «ворону», потому что всем цветам предпочитала черный, русская княгиня, чья худоба могла поспорить только с ее же высокомерием, получила прозвище «драная кошка», а газетный магнат и известный бабник Жозеф Рейнольдс, родившийся в Константинополе, именовался не иначе, как «турок» и «синяя борода». И это, уверяю вас, еще цветочки. Некоторые клички не доходили до ушей хозяина, между собой же служащие и закройщицы давали себе волю и не щадили ни своих родовитых клиенток, ни тех, кто оплачивал их счета. К примеру, в помещениях модного дома можно было услышать такой разговор:

— Лоло, поаккуратнее с платьем мадемуазель Лианны. В этом году она не ездила в Виши и наверняка прибавила в талии.

— Рассказывай! — фыркает Лоло. — Ее бросил граф де Р., так что у нее появился отличный повод похудеть.

Или:

— Франсуаза, что вы столько возитесь со шлейфом для платья герцогини Г.?

— Так у нее зад, как рояль, — ворчит закройщица, — только клавиш не хватает, чтобы давать представления на сцене... полные залы могла бы собирать...

— Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!

Родовитая герцогиня вмиг обретает прозвище «рояль», и когда ее автомобиль в следующий раз появится на улице Мира, Беттина будет докладывать о ней патрону или заменяющей его старшей продавщице так:

— К нам пожаловал рояль со своей левреткой.

Кстати, поясним: «левреткой» служащие окрестили секретаря и по совместительству любовника герцогини, который действительно чем-то напоминал эту собачку.

Впрочем, сейчас речь вовсе не о герцогине, а о богаче Рейнольдсе, который завел очередную пассию и привел ее в самый утонченный, самый изысканный, самый роскошный парижский модный дом. Определенно, такой клиент стоил того, чтобы к нему вышел сам хозяин, однако месье Дусе не торопился с ответом.

— Баронесса Корф еще не приехала? — спросил он наконец.

— Нет, месье, она опаздывает.

— Тогда проводите месье Рейнольдса и мадемуазель Лантельм во вторую примерочную, и пусть к ним подойдет мадам Флерон.

— Но мадам Флерон занята в третьей примерочной.

— Тогда мадемуазель Бланш.

— Она помогает мадемуазель д'Арти с платьем к новой пьесе. — Беттина немного поколебалась: — Если вам угодно, я могу...

— Нет, вы мне нужнее на своем месте. Мадемуазель Вионне свободна?

— Да, но... — Беттина распрямилась на стуле, не веря своим ушам. — Вы хотите, чтобы мадемуазель Вионне занялась мадемуазель Лантельм?

— Именно так, моя добрая Беттина.

— Месье, простите, но я не могу согласиться. Это верный способ отпугнуть клиентку! Мадемуазель Вионне и ее наряды...

Месье Дусе добродушно рассмеялся.

— Почему-то никому из вас не нравятся наряды мадемуазель Вионне... Довольно споров. Пошлите ее к мадемуазель Лантельм и предупредите меня, когда появится баронесса Корф.

По тону патрона стало понятно, что возражать бесполезно.

— Хорошо, месье... Конечно, месье.

Беттина послала младшую продавщицу за мадемуазель Вионне и, вопреки распоряжению хозяина, отправилась лично встречать вновь прибывших. Рейнольдс, блестя стеклами очков, улыбался и гордо косился на свою любовницу, не обращая внимания на изумительную мебель XVIII века, изысканные консоли и старинные зеркала, которыми Дусе, поклонник той эпохи, щедро обставил свой модный дом.

— Прошу, мадемуазель, сюда... Ваш портрет на обложке последнего номера «Моды» просто великолепен! А ваша новая пьеса... Я была на представлении, вы так проникновенно играли, просто чудо! — рассыпалась в комплиментах Беттина. — «Париж — Нью-Йорк» в театре Режан, верно? Ну конечно же! Такая забавная комедия!

Мадемуазель Лантельм любезно улыбалась, но по лицу актрисы Беттина поняла, что та ей не верит.

«Мою роль на репетициях сократили до одной-единственной сцены», — усмехнулась про себя красавица Лантельм. Ну да, ведь, не дай бог, она бы затмила стареющую примадонну Режан, которая верховодит в театре... Ох уж эти старухи, которые везде норовят всем заправлять, и эти невыносимые старики! Актриса украдкой метнула взгляд на Рейнольдса. Для своих лет тот выглядит еще прилично, хотя ей отлично известно, что на самом деле ее спутник форменная развалина. Приступы астмы, головокружение, на которое он иногда жалуется, звон в ушах... Если бы не его деньги и связи в театре, которые ей еще нужнее денег... Взгляд упал на зеркало, в котором отражались они оба и рядом тоненькая фигурка что-то щебечущей седовласой мадемуазель Беттины. Но Лантельм смотрела только на себя и своего сопровождающего. Красавица и чудовище, да и только! Но вот позади растворилась дверь, и актриса, инстинктивно обрадовавшись появлению нового лица, поспешно повернулась к нему.

На пороге стояла мадемуазель Вионне, новая служащая Дусе. Простая прическа, простая одежда, никаких украшений. Взгляд умный, пытливый, лицо приветливое, но в то же время какое-то замкнутое.

Занятно, но факт: что Поль Пуаре, что Мадлен Вионне, будущие знаменитые модельеры, оба начинали у Дусе. И обоих старые служащие встретили в штыки. От Пуаре они в конце концов сумели избавиться, но на смену ему явилась эта молодая женщина, которая начала работать в четырнадцать лет и с тех пор успела постичь все тонкости своего ремесла. Хотя она всегда была любезна и в отличие от ершистого Пуаре ни с кем не ссорилась, продавщицы инстинктивно чуяли в ней нечто враждебное, инородное, чуждое модному дому Дусе с его устойчивыми традициями — струящиеся шелковые платья и пастельные полутона. Смелые эскизы Марлен повергали их в трепет, и сейчас Беттина не без злорадства предвкушала, как мадемуазель Лантельм — а продавщица уже успела заметить, что характер у актрисы тот еще! — устроит во второй примерочной маленькую бурю, после которой месье Дусе, пожалуй, будет вынужден дать «этой нахалке Вионне» расчет. Поэтому улыбка мадемуазель Беттины, когда она представляла друг другу новую служащую и актрису, была особенно сладкой.

— Вам угодно туалет для представления, мадемуазель? — спросила Мадлен.

— Нет, я... — Лантельм запнулась. По правде говоря, идея заехать к Дусе принадлежала Рейнольдсу, но ей не хотелось говорить об этом. — А что у вас есть интересного?

— Я могу показать вам эскизы, — оживилась Вионне.

Если бы это зависело только от мадемуазель Беттины, она бы осталась и с удовольствием послушала, как Лантельм поставит на место новую служащую с ее несуразными моделями. Но тут в дверь негромко постучали, и вслед за тем в примерочную просунулась

набриолиненная голова месье Поля, одного из служащих. На физиономии его было написано живейшее недовольство.

— Мадемуазель Беттина, там баронесса Корф...

— Ах, боже мой! — тихо вскрикнула Беттина и бросилась к выходу. — Скорее предупредите патрона!

Позже месье Поль уверял, что пятидесятилетняя дама промчалась на каблуках по лестнице, ведущей на первый этаж, так быстро, словно за ней гнались черти, собирающиеся силой надеть на нее одно из платьев мадемуазель Вионне. Впрочем, сбежав с лестницы, мадемуазель Беттина на мгновение остановилась, прижав ладонь к груди, и двинулась дальше уже обычным шагом. Одновременно она поторопилась изобразить на лице самую приветливую из своих улыбок, ибо эта дама в совершенстве владела трудным искусством придавать ему по желанию любое выражение, как бы надевать маску, точно так же, как другая, к примеру, надевает перчатки.

— Госпожа баронесса! Как мы рады вас видеть! И мадемуазель тоже с вами? Надо же, как она повзрослела! Луиза! Луиза!

Госпожа баронесса — красивая блондинка средних лет — только улыбнулась, а девочка семи лет, которую она держала за руку, порозовела и опустила глаза.

На зов Беттины тотчас же явилась Луиза, служащая модного дома, которой вменялось в обязанности заниматься детьми клиентов, коих те приводили с собой. Обычно Луиза мастерила для них из обрезков ткани чудесных тряпичных кукол, но маленькая Ксения была ее любимицей, и специально к сегодняшнему визиту Луиза сшила для нее из разноцветных кусочков бархата ящерицу с глазами-бусинками и хвостом, свернутым спиралью. Ксения приняла под-

ношение с видом благодравной принцессы, у которой и так хватает подарков от признательных подданных, но из учтивости она никогда этого не покажет.

Тем временем из своего кабинета спустился месье Дусе, предупрежденный Полем. Хозяин приветствовал баронессу и, отослав Беттину, лично проводил гостью в первую примерочную. Та, как и все другие примерочные, представляла собой небольшие апартаменты, где имелись собственно кабина для примерки, салон для просмотра моделей и уголок, в котором могли скоротать время спутники клиентки — так как ждать им порой приходилось очень долго.

По размерам каждой из клиенток в модном доме делался специальный манекен, на котором подгоняли платье. Но когда наступало время примерки, вдруг выяснялось, что дама прибавила несколько сантиметров тут или там, либо, наоборот, похудела, либо деталь, которая выглядела красиво на эскизе и манекене, ей самой совершенно не идет. Нередки были и случаи, когда клиентка требовала переделок в последнюю минуту — добавить или убрать шлейф, изменить вышивку, удлинить или укоротить рукава, а уж о бессмысленных женских капризах любой модельер мог бы написать тома воспоминаний. Поэтому, когда Амалия в сопровождении Ксении, хозяина дома и Луизы вошла в первую примерочную, ее там уже ждали младшая продавщица мадемуазель Гренье с платьем и мадемуазель Оберон, в чьи обязанности входили как раз такие переделки.

Ксения уселась в уголке со своей ящерицей, возле нее устроилась мадемуазель Луиза, а Амалия удалась в примерочную кабину в сопровождении мадемуазель Гренье, которая должна была помочь ей облачиться в новое платье. Месье Дусе и мадемуазель Оберон остались в салоне.

— Думаю, все будет хорошо, — сказала мадемуазель Оберон вполголоса. — Со своего прошлого визита к нам она ни капли не изменилась.

Месье Дусе ничего не ответил и приготовился ждать, когда баронесса выйдет.

Жак Дусе родился в 1853 году, и сейчас, в 1907-м, ему было уже пятьдесят четыре года. Седоволосый, с белоснежной бородой и усами, он выглядел как патриарх, держался с невероятным достоинством и при этом одевался с безупречной элегантностью, оставлявшей далеко позади молодых денди. Еще при Наполеоне, в 1811 году, его предки основали дело, которое Жак с успехом продолжил, но если прежние хозяева занимались в основном кружевами и мужскими сорочками, он куда больше внимания уделял женской одежде и вскоре, благодаря своему вкусу и коммерческому чутью, сумел выдвинуться в первые ряды модельеров прекрасной эпохи. Месье Дусе одевал аристократок и актрис, куртизанок и жен богатых буржуа, и к каждой из дам этих категорий сумел найти свой подход. Созданные им наряды были женственны, восхитительны и элегантны, а его дом стал настолько знаменит, что нынешний его патрон мог себе даже позволить пренебрегать рекламой. Но, потратив массу времени и усилий на то, чтобы занять свое место под солнцем, добившись богатства, процветания, славы и сделав себе имя, он вдруг почувствовал, что ему все опостылело. Проще говоря, месье Дусе разлюбил свое дело.

Да, разлюбил — не моду как таковую, не искусство создавать красоту, но именно то, что приносило ему доход. Потому что достаточно насмотрелся на родовитых герцогинь, которые вели себя с ним, как обыкновенные базарные хамки. И даже хуже. Ведь любая ба-

зарная торговка была бы счастлива, получив от него платье, а эти любые усилия принимали как должное и не ценили ничего. Ему опротивели узколобые мещанки, высокомерные иностранные княгини, капризные актрисы, модные парижские потаскушки, их содержатели, мужья, друзья, любовники, альфонсы. Со всей этой шушерой надо было находить общий язык, подлаживаться под их интересы и нравиться, нравиться, нравиться без конца, иначе клиенты переметнутся к Ворту, к Пакэн, к сестрам Калло, к Редферну... да хотя бы к тому же Полю Пуаре, его бывшему служащему. Дусе почувствовал, что устал, что все ему безмерно надоело.

Мало-помалу он переложил свои обязанности на помощников, оставаясь во главе дела и осуществляя общее руководство, и теперь посвятил себя тому, что было намного интереснее — коллекционированию предметов искусства и собиранию книг. Что же до моды, то к ней он почти охладел. Месье Дусе правил эскизы своих помощников, но с клиентками встречался редко, ссылаясь на чрезвычайную занятость. Оставалось, впрочем, несколько исключений — женщины, для которых он по-прежнему создавал платья с удовольствием. Одной из таких женщин была баронесса Амалия Корф.

Амалия всегда интриговала Дусе. За свою карьеру он перевидал немало самых разных людей, но эта блондинка с золотистыми глазами всегда ставила его в тупик. Прежде всего она не принадлежала ни к одной из известных ему категорий. Аристократка по титулу, баронесса не разделяла привычек и убеждений аристократии, и балы, охоты, скачки, званые вечера для нее мало что значили. При всем при этом было известно, к примеру, что она на «ты» не с кем-

нибудь, а с вдовствующей императрицей Евгенией — факт, который чрезвычайно удивлял аристократов, знавших жену Наполеона Третьего. Свои платья баронесса Корф всегда оплачивала сама, из чего напрашивался вывод, что она богата. Однако за ней не вырисовывалась тень семейного дела или большого наследства. Злые языки уверяли, что Амалия авантюристка и чуть ли не шпионка, но никто не мог сказать ничего определенного. Женщина явно была умна, и вырвавшиеся у нее замечания показывали, что она хорошо знает жизнь и не обольщается ни на чей счет, но это опять-таки ничего не доказывало.

В конце концов месяце Дусе смирился с тем, что какую бы загадку ни таил в себе этот золотоглазый сфинкс, ему не под силу разгадать ее. Хозяин модного дома и его клиентка разговаривали об искусстве, о театре, о моде, он создавал для баронессы изысканные туалеты, демонстрировал ей свои новые приобретения и несколько раз в год получал приглашения отобедать в ее парижских апартаментах — на правах друга семьи, потому что званых обедов Амалия Корф почти не устраивала. Ему импонировали ее независимость и чувство юмора, редкое для женщины. Кроме того, она была хороша собой, прекрасно сложена, и придумывать для нее наряды было удовольствием, тем более что за свои заказы дама всегда платила точно в срок.

Услышав шуршание шелковых оборок, Ксения с любопытством подняла голову. Из кабинки показалась ее мать, за которой следовала мадемуазель Гренье, на ходу поправляя какую-то складку на наряде клиентки. Дусе, прижав к губам палец, задумчиво смотрел на платье.

— Переставьте вот это, — вполголоса велел он мадемуазель Оберон, указывая на одну из вышитых